

© 1990 г.

ДИБРОВА К. 10., СТУПИН Л. П.

О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ Л. БЛУМФИЛДА -

Литература, посвященная лингвистическим взглядам Л. Блумфила (1887—1949), оценке его роли в истории языкознания, весьма обширна. Тем не менее есть достаточные основания для того, чтобы вновь обратиться к творческому наследию этого выдающегося ученого. Как отмечают Д. Хаймз и Дж. Фог, стало уже почти традицией уделять первостепенное внимание только двум аспектам концепции Л. Блумфила: «антиментализму» и своеобразному решению проблемы значения [1, с. 109]. Это обстоятельство не является случайностью. Ведь если справедливо, что говорящий вступает в обычную коммуникацию не как «глобальная» личность, в которой слиты все ее составляющие, а как личность «параметризованная», выражающая в акте речи одну из своих социальных функций или психологических аспектов [2, с. 357], то тем более «параметризованными» оказываются известные ученые и целые научные направления. Так, с именем акад. Н. Я. Марра сразу же ассоциируется подход к языку как к надстроечной категории и «четырёхэлементный анализ»; с именем А. Шлейхера — «биологическая концепция языка» и сочинение басы на праиндоевропейском; с Л. Ельмслевом — постулат о примате структуры над субстанцией и необычность терминологии. Не избежали «параметризации» и американские дескриптивисты во главе со Л. Блумфилдом: их деятельность традиционно оценивается сквозь призму пресловутого «отказа от значения», а Блумфилду, как замечает В. А. Звегинцев, еще «автоматически припоминают бихевиоризм, полагая, что этим сказано все» [3, с. 190—191].

Столь же традиционна и «методологическая» периодизация развития блумфилдовской концепции. Согласно ей, первоначально — в десятки годы XX в. — Блумфилд основывается на «социальной психологии» В. Вундта и в целом следует в русле младограмматических воззрений. К середине двадцатых годов методологической основой блумфилдовской концепции становится бихевиоризм и одновременно происходит «крутая ломка его лингвистического мировоззрения» ([4, с. 117]; ср. [5, с. 222; 6, с. 156—157]).

Такая периодизация в свою очередь оказывает существенное воздействие на сам подход к научному наследию Л. Блумфила. Действительно, если считается, что в работах первого периода «не содержится даже намека или попытки к построению концепции, отличной от традиционной» [7, с. 346] и только в работах двадцатых годов Блумфилд «полностью порывает со старой традицией и дает образец совершенно нового понимания языка» [8, с. 48], то естественно, что к последним-то и обращаются исследователи. Внутренняя же логика развития взглядов Блумфила не привлекает особого внимания. Именно этому вопросу и посвящена настоящая статья.

Мы попытаемся показать, в частности, что ключевым для лингвистической концепции Л. Блумфила являлся сложившийся в самом начале

его научной деятельности и оставшийся неизменным подход к языку как к набору речевых навыков (speech-habits) языкового коллектива. Наглядно свидетельствует об этом сопоставление «вундтовско-младограмматической» книги Блумфилда «Введение в изучение языка» (1914) и работ «дескриптивно-бихевиористского» периода, прежде всего знаменитой книги «Язык» (1933).

«Язык, отнюдь не являясь объектом или самостоятельным организмом какого-либо рода, есть просто набор навыков» [9, с. 259].

«...Эти навыки в каком-то смысле произвольны, различны в разных коллективах людей и постоянно меняются во времени. Каждый новый член такого коллектива должен обучаться речевым навыкам последнего точно так же, как он обучается всем прочим обычаям этого коллектива» [9, с. 81—82].

Подход к языку как к набору навыков определил и решение Л. Блумфилдом вопроса о социальном и индивидуальном в языке. По Блумфилду, речевые навыки — индивидуальные, поскольку «принадлежат каждому члену коллектива как личности, т. е. процесс их формирования в каждом случае имеет свою собственную историю.

«Называя язык каждого высказывания уникальным, мы с еще большей обоснованностью могли бы сказать, что каждый говорящий имеет свои собственные языковые навыки... Навыки любого говорящего представляют собой соединение тех различных диалектов, которые он слышал и которыми пользовался, соединение единственное в своем роде, подвергшееся, кроме того, воздействию индивидуальных факторов» [9, с. 260—261].

Отсюда, однако, для Л. Блумфилда не следовало, что единственной реальностью являются индивидуальные языки: социальный характер речевых навыков представлял собой их главную характеристику в блумфилдовской концепции. Ср:

«Язык индивида не есть его творение, а состоит из навыков, воспринятых в ходе обмена высказываниями с другими членами коллектива. Отсюда вытекает неспособность индивида использовать язык в форме, отличной от той, в которой им пользуется весь коллектив в целом: он либо должен говорить, как все, либо не будет понят» [9, с. 17].

«...Единообразие языкового навыка поддерживается в коллективе предопределенностью речевого реагирования говорящих, в свою очередь, обуславливаемой тем, что они с младенчества слышат практически тот же самый набор слов, форм и конструкций» [9, с. 273].

«...язык состоит из двух слоев навыков. Один слой является фонематическим: говорящие имеют известные навыки работы голосовых связок, движения языка и т. д. Эти навыки составляют фонетическую систему определенного языка. Другой слой состоит из формально-семантических навыков.

...Из этих навыков складывается грамматика и лексикон языка» [10, с. 398—399].

«При достаточно внимательном наблюдении мы могли бы убедиться, что никогда два человека или даже один и тот же человек в разное время не говорят абсолютно одинаково» [10, с. 59].

«...В любой момент его [говорящего.— Д. К., С. Л.] язык представляет собой единственное в своем роде соединение навыков, усвоенных от разных людей» [10, с. 523].

«Очевидно, язык потому и выполняет свое назначение, что разные люди используют его одинаково. Каждый член той или иной социальной группы должен при соответствующих обстоятельствах произносить определенные звуки речи и, слыша, как эти звуки произносит кто-то другой, надлежащим образом на них реагировать. Он должен понятию говорить и должен понимать, что говорят другие» [10, с. 43—44].

«...ни в какой другой области деятельность коллектива не регламентирована так строго, как в области языка. Огромные группы людей строят все свои высказывания, используя один и тот же запас лексических форм и грамматических конструкций» [10, с. 52].

Примат социального над индивидуальным в подходе Л. Блумфилда к речевым навыкам особенно наглядно проявляется при сопоставлении с соответствующей концепцией Ф. де Соссюра (на Л. Блумфилда, как и на Ф. де Соссюра, как известно, большое влияние оказали взгляды американского лингвиста Уитни). Соссюр, как и Блумфилд, определял язык как совокупность языковых навыков, но тут же указывал, что такое определение фиксирует только индивидуальное в языке, оставляя без внимания его социальную природу и изменчивость [11, с. 109—110]. У Блумфилда же речевые навыки всегда и прежде всего социальные, вследствие чего соссюровское противопоставление социального аспекта речевой деятельности (*langue*) ее индивидуальному аспекту (*parole*) оказывается излишним. Более того, язык у Блумфилда нередко вообще отождествляется с речевой деятельностью в целом [10, с. 58; 12, с. 240—241].

Подчеркивание социального характера речевых навыков определило другую важнейшую их характеристику в концепции Л. Блумфилда — их автоматизм, неосознанность говорящими:

Поскольку каждый человек с детства отбатывает свою речь, пока детали ее осуществления не становятся автоматичными и неосознанными, он редко отдает себе отчет в тех особых чертах — например, фонетических или грамматических, — которыми она характеризуется» [9, с. 17].

«Владение языком не есть знание: говорящие совершенно не способны описать те навыки, которые составляют их язык» [13, с. 4].

Еще одна важнейшая характеристика речевых навыков в концепции Л. Блумфилда заключается в их постоянной изменчивости во времени.

«Язык не есть ...система, состоящая из неподвижных и неделимых элементов... Язык скорее представляет собой сложный набор ассоциаций между группировками данных опыта, каждая из которых сопровождается типовыми (*habitual*) звуковыми высказываниями, и все эти ассоциации... неизбежно подвергаются изменению с течением времени» [9, с. 70].

«В любой данный момент язык выступает как устойчивая система лексических и грамматических навыков,

Это, однако, лишь иллюзия. В каждом языке постоянно происходит медленный, но непрекращающийся процесс *языковых изменений*» [10, с. 311].

Понимание языка как набора постоянно изменяющихся неосознанных навыков говорения и понимания социального коллектива сыграло ключевую роль в решении Л. Блумфилдом тех проблем, которые встали перед ним на рубеже десятых-двадцатых годов. В этот период Л. Блумфилд, получивший уже определенную известность как автор «Введения в изучение языка» — «ни с чем не сравнимой книги по языкознанию на английском языке» [14, с. 50] — неожиданно перестает выступать в печати по вопросам теории лингвистики и целиком сосредоточивается на описании таких «экзотических» языков, как тагальский (1916—1917 гг.), а затем язык индейцев-меномини (1920—1921 гг.). Работа с этими языками, которыми сам исследователь не владел, поставила перед ним ряд методологических вопросов. Как писал впоследствии Блумфилд, «изучение менее известных языков сделало очевидным, что историческое или сравнительное исследование зависит от наличия двух или более наборов дескриптивных данных» [15, с. 178].

Следует отметить, что разграничение двух видов исследования — исторического и дескриптивного — не было для Блумфилда чем-то новым;

оно представлено уже в его самых первых работах: «При дескриптивном исследовании мы можем в крайнем случае обойтись данными, предоставляемыми ограниченным числом высказываний или говорящих. Для того же, чтобы установить точную картину одного-единственного языкового изменения, нам уже надо не только знать, когда, где, кем и при каких обстоятельствах оно было совершено, и проследить, каким образом шаг за шагом, час за часом, от дома к дому, от деревни к деревне оно распространялось, но и заглянуть в психику каждого говорящего [участвовавшего в осуществлении изменения.— Д. К., С. Л.].— Историческое изучение языка, таким образом, в лучшем случае неполно. Его несовершенство можно частично восполнить с помощью особых приемов. Одним из них является так называемый „сравнительный метод“» [9, с. 199—200].

Тем не менее в этот период такое разграничение использовалось Л. Блумфилдом прежде всего для того, чтобы отграничить описание более ранних стадий развития языка от наложения на него черт, свойственных языку на современном этапе [16, с. 62—63]. В работах же более позднего времени данное разграничение преследует уже противоположную цель. «Чтобы описать язык, не нужно никаких сведений из области истории; фактически исследователь, который позволит подобным сведениям повлиять на его описание, неизбежно исказит материал» [10, с. 33].

Абсолютизация противопоставления дескриптивного и исторического подходов была вполне закономерна для Л. Блумфилда. Поскольку речевые навыки — автоматичны, неосознанны, то говорящие не способны осознать совершаемых ими изменений в языках, которые происходят «... механическим образом, вне зависимости от каких-либо нужд, желаний и страхов говорящих» [17, с. 106]. А раз так, то и лингвист, описывая язык в какой-то конкретный момент времени, должен отвлечься от непрерывной изменчивости речевых навыков.

В то же время неосознанность речевых навыков говорящими лишает научной ценности их «интроспективные наблюдения» за своим языком: «... мы не должны забывать, что язык — дело воспитания и навыка; человек может оказаться неспособным сообщать о тех или иных побуждениях просто потому, что в его запасе речевых навыков нет соответствующих формул» [10, с. 49].

Лингвист же способен описать язык «изнутри» (т. е. его содержательную сторону) только в тех «редких случаях, когда ... он сумел овладеть им примерно так, как им владеют его носители» [18, с. 403].

Однако здесь, как считал Л. Блумфилд, перед языковедом встает проблема методологии: истинность научного метода проверяется единственно последовательностью его применения [19, с. 104], научные принципы и методы следует либо принимать целиком, для всех случаев без исключения, либо целиком отвергать [20, с. 113]. Отсюда закономерно следует вывод, что описания языков «изнутри», т. е. от значения к форме, необходимо избегать даже в тех случаях, когда такие описания возможны: «Мы должны изучать языковые навыки людей — то, как они говорят, — не заботясь о тех психических процессах, которые, как можно предполагать, лежат в основе этих навыков или сопутствуют им» [21, с. 92].

Объектом дескриптивного исследования, таким образом, оказывается продукт акта речи, высказывание, которое рассматривается как состоящее из определенного набора незначащих «сигнализирующих единиц» (фонем). Сопоставление высказываний на основе допущения, что «все языковые формы обладают постоянными и поддающимися определению значения-

ми», ведет к выделению составляющих высказываний и определению их структуры (аранжировки). Совокупность наименьших значащих составляющих (морфем) образует лексикон языка, противопоставляемый совокупности аранжировок, образующих его грамматику. Анализ высказываний осуществляется с помощью особого приема, так называемого принципа непосредственно составляющих [10, с. 165—177]. Итогом дескриптивного исследования является «система языковой сигнализации», отражающая «сложную и произвольную систему навыков, накладываемую на индивида и не поддающуюся непосредственной психологической интерпретации» [17, с. 107].

Существенное значение для понимания особенностей выдвинутой Л. Блумфилдом дескриптивной модели языка имеет та интерпретация, которую он дал концепции Ф. де Соссюра в своей рецензии на «Курс общей лингвистики»: «В любой данный момент (синхронически) язык любого коллектива следует рассматривать как систему сигналов... Эта строгая система — объект того, что мы назвали бы „дескриптивной лингвистикой“ — представляет собой *la langue*, язык. Но *le langage* — человеческая речь, включает в себя нечто большее, поскольку индивидам, которые образуют данный коллектив, не удается следовать этой системе с идеальным единообразием. Реальное речевое высказывание, *la parole*, варьируется не только в тех пределах, которые не заданы системой,... но также и в том, что затрагивает самое систему... Отсюда вытекает необходимость „исторической лингвистики“ (*linguistique diachronique*). Когда индивидуальные и временные особенности речи становятся в данном коллективе всеобщими и привычными, они обуславливают изменение в системе *la langue*» [17, с. 107].

Интересны использованные Л. Блумфилдом термины. Термин Соссюра «знак» (*signe*), например, заменяется на термин «сигнал» (*signal*) — и это не случайно. Соссюровский знак — двусторонне психичен, а потому годится только для «внутреннего» использования отдельными индивидами. Блумфилдовский же сигнал, наоборот, явно указывает на чисто «внешний», т. е. наблюдаемый продукт речевого акта. Такой сигнал есть реализация речевых навыков под действием некоего стимула и предназначен для того, чтобы вызвать соответствующую реакцию у слушающего, имеющего такие же речевые навыки¹. Л. Блумфилд писал: «Система де Соссюра более сложна: 1 — реальный объект, 2 — понятие, 3 — акустический образ, 4 — речевое высказывание ... Совокупность всех четырех образует *le langage*, реальное речевое высказывание есть *la parole*; отрезок, формируемый двумя чисто психичными единицами 2 и 3 — *la langue*, социально однородная языковая модель. Точные формулировки де Соссюра проясняют дело: то, что он именует „психичным“, есть то, что он сам же и все прочие лингвисты называют „социальным“ ... Поэтому нам лучше всего просто отказаться от п. 2 и 3 и говорить о социально обусловленной связи между некоторыми чертами 1 и 4» [15, с. 177].

Другая терминологическая особенность работ Блумфилда — замена термина «синхронический» на термин «дескриптивный» — связана со спе-

¹ Показательно, что во всех других своих работах Блумфилд столь же старательно избегает использования термина «знак». В то же время он весьма сочувственно относится к семиотике Ч. Морриса [22], из которого термин «знак» имеет значение, весьма сходное со значением блумфилдовского сигнала. Со своей стороны, Ч. Моррис отмечал, что терминология Л. Блумфилда из всех лингвистических терминологий наилучшим образом подходит для семиотики [23, с. 280].

цифкой постулируемой им «сигнальной системы». Если у Соссюра знаковая система языка — это «... грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу, точнее сказать, у целой совокупности индивидов» [11, с. 52], то «система сигналов» Блумфила представляет собой всего лишь результат научного описания. Эта система постулируется путем отвлечения от такой характеристики речевых навыков в концепции Л. Блумфила, как их имманентная изменчивость, а потому связана не с реальными высказываниями, а с абстракциями [24]: «Обобщениям дескриптивной грамматики препятствует значительное количество вариаций в языке: языки изменяются с течением времени. Это выводит нас на третий уровень научного объяснения, где мы имеем возможность собирать факты и рассматривать всякое языковое изменение в терминах некоего прежнего навыка плюс изменения этого навыка» [25, с. 286].

В свою очередь блумфилдовская «историческая лингвистика» не совпадает с «диахронической лингвистикой» Соссюра. «Историческое изучение языка» у Блумфила охватывает не только «*linguistique diachronique de la langue*», но и «*linguistique diachronique de la parole*», и представляет собой, таким образом, «диахроническую лингвистику речевой деятельности» в целом: «Лингвистика — наиболее развитая из гуманитарных наук — разработала еще один, более высокий уровень научного объяснения, на котором языковые изменения можно классифицировать на небольшое число процессов: фонетическое изменение, семантическое изменение по аналогии, заимствование... Можно представить себе и еще один уровень объяснения, на котором окажется возможным объяснить любое конкретное языковое изменение в конкретном месте и конкретный момент времени» [25, с. 288].

Автоматичность, неосознанность речевых навыков в концепции Л. Блумфила определили и решение им вопроса о статусе лингвистики в кругу других наук, и прежде всего о ее соотношении с психологией.

Первые работы Л. Блумфила носят явный отпечаток воздействия психологической доктрины В. Вундта. Однако уже в это время Блумфилд испытывает неудовлетворенность вундтовской теорией, которая, по его мнению, «не допускает относительно языка той же концепции общего развития, что и для всех прочих областей социальной деятельности» [26, с. 41]. Более того, Блумфилд уже в этот период считает, что «исследователь, работающий в области ментальных наук, может и в идеале должен избегать каких-либо ходячих психологических интерпретаций» [9, с. 322]. Но 27-летний Блумфилд еще не решается пойти против общего течения. Он отмечал: «... все же лингвистика из всех ментальных наук в наибольшей степени нуждается на каждом шагу в руководстве со стороны наилучшей из психологических доктрин» [9, с. 323].

Двумя годами позднее, добившись признания своей «редкостной научной эрудиции» [27, с. 60], Л. Блумфилд наотрез отказывается от своего бывшего «ментализма», заявляя, что «наша задача состоит не в том, чтобы рассуждать, что говорящий мог или должен был иметь в виду, когда говорил, а анализировать само высказывание» [28, с. 72].

Работа с «экзотическими» языками окончательно укрепила Блумфила в мысли о необходимости покончить с подчиненностью языкознания психологии. «Лингвистика,— писал он,— подобно всякой науке должна изучать свой объект в себе и для себя, основываясь на своих собственных исходных допущениях» [21, с. 92].

В итоге для Л. Блумфила лингвистика из науки «ментальной» пре-

вращается в науку социальную, занимающуюся социальными по своей природе речевыми навыками. «Лингвист [в отличие от психологов и физиологов.— Д. К., С. Л.] определяет те признаки акта человеческой деятельности (а именно,* грамматические), которые являются типовыми (habitual) для данной группы людей ... и прослеживает их историю» [15, с. 176].

И тем не менее есть большая доля истины в том, что «Л. Блумфилд был психологистом и остался психологистом» [29, с. 143]. Со всей решительностью боролся он против такого положения, когда «лингвист, столкнувшись с какой-нибудь запутанной проблемой, откладывает в сторону свои проверенные временем орудия, но не для того, чтобы усовершенствовать или отточить их, а чтобы ухватиться за всякого рода магические заклинания, смысл которых каждый шаман от психологии толкует по-своему» [15, с. 177]. Однако борясь против «психологической лингвистики», Блумфилд в то же время ставит задачу разработать некую «лингвистическую психологию», которая могла бы соответствовать его «методам и формулам» [15, с. 177]. Такой психологией и стал для Л. Блумфилда бихевиоризм А. П. Вайсса.

Обращение Блумфилда к бихевиоризму было обусловлено не только тем, что двадцатые годы явились периодом расцвета поведенческой школы в психологии США. Бихевиоризм с его сведением психических процессов к стимулам и реакциям как нельзя лучше согласовывался с блумфилдовской концепцией о бессознательных, автоматичных «речевых навыках». Кроме того, бихевиоризм характеризовался особым вниманием к функционированию языка, что также вполне вписывалось в общезыковую концепцию Л. Блумфилда: «Язык позволяет одному человеку осуществить реакцию (R), когда другой человек имеет стимул (S)» [10, с. 38].

В наибольшей степени близость блумфилдовского подхода к языку как к набору навыков и постулатов бихевиоризма проявилась в семантике, вследствие чего этот аспект его концепции традиционно подвергается наибольшей критике. Указывается, что Блумфилд «недооценивал» и даже «изгонял» значение из своей теории [30, с. 39] и из структуры языка [31, с. 411], борясь с метафизикой, выбрасывал и «... лингвистического ребенка — семантику языка, его содержательную сторону» [32, с. 62], путал «...содержание речевых высказываний вообще со значением лингвистических единиц, которое и является единственным предметом языкознания» [33, с. 98]. В то же время в литературе не раз делались попытки показать, что Блумфилд не только не «устранял» значения из языкового исследования, но, наоборот, настаивал на необходимости учитывать его при лингвистическом анализе [34, с. 102—103].

Представляется, что столь диаметрально противоположные оценки в немалой степени обусловлены весьма неудачной терминологией, использованной Л. Блумфилдом при разработке данной проблемы. Подобно многим другим вопросам теории языкознания, проблема значения также решается им на основе понимания языка как набора речевых навыков: «... значение формы в навыках² любого говорящего есть не что иное, как результат тех высказываний, в которых он ее слышал» [35, с. 431]. Поскольку каждое высказывание порождается в конкретной ситуации, его значение всегда ситуативно: «Мы определили *значение* языковой формы как ситуацию, в которой говорящий ее произносит, и как реакцию, которую она вызывает у слушающего» [10, с. 142].

² В русском переводе «Языка» это место передано не совсем точно: «... значение формы для любого говорящего есть...» [10, с. 471].

Яри этом термин «ситуация» (situation) толкуется Блумфилдом очень широко: он охватывает не только «все предметы и, события во Вселенной», окружающие говорящего [10, с. 142], но и его «физическое состояние», «определенную предрасположенность его нервной системы» [10, с. 144]. Понимаемая таким образом ситуация рассматривается Блумфилдом как состоящая из бесчисленного количества признаков (features), каждый из которых способен стать стимулом для произнесения какого-нибудь высказывания и определить реакцию на него. Тот конкретный признак, который в данной конкретной ситуации выступил в данной роли и привел в действие речевые навыки, становится, по Блумфилду, значением данного высказывания: «Стимул говорящего + реакция слушающего = значение речевого высказывания» [22, с. 18].

При всем многообразии ситуаций некоторые из них имеют сходные признаки, с которыми в навыках говорящих и слушающих устойчиво связаны определенные формы. Такие «дистинктивные признаки», выступающие в роли типовых стимулов и задающих типовую реакцию, представляют собой «языковое (лингвистическое) значение форм» (linguistic meaning): «Ситуации, которые побуждают нас произнести какую-нибудь языковую форму, исключительно многообразны. Философы утверждают, что двух совершенно одинаковых ситуаций в действительности не существует. Даже в течение относительно непродолжительного времени каждый из нас использует слово *яблоко* применительно ко многим конкретным плодам, различным по величине, форме, окраске, запаху, вкусу и т. д. В простых случаях, в таких, например, как со словом *яблоко*, все члены языкового коллектива с детства обучены использовать данную языковую форму, когда ситуация (в данном примере определенный предмет) обладает известными, сравнительно легко определяемыми характеристиками (features) ... Вместе с тем вполне очевидно, что мы должны дифференцировать *недистинктивные* признаки ситуаций, такие, как величина, форма, окраска и т. д. какого-либо конкретного яблока, и *дистинктивные* признаки или *языковое значение* (*семантические признаки*), которые являются общими для всех ситуаций, вызывающих произнесение данной языковой формы, т. е. признаки, являющиеся общими для всех предметов, которые люди, говорящие по-английски, называют словом *apple* „яблоко“» [10, с. 143-144].

Таким образом, «значение» (meaning), т. е. л ю б о й признак конкретной ситуации, который стал стимулом для произнесения данной формы, противопоставляется «языковому значению» (linguistic meaning), т. е. только таким признакам, которые в навыках носителей языка являются типовыми стимулами для произнесения этой формы. Но постоянно пользуясь этим противопоставлением в своих рассуждениях, Блумфилд не считал нужным проводить его сколько-нибудь последовательно терминологически: «Поскольку наше исследование обычно касается только дистинктивных признаков формы и значения, я буду в дальнейшем опускать определения „языковой“ или „дистинктивный“ и буду говорить просто о *формах* и *значениях*, игнорируя существование недистинктивных признаков» [10, с. 144].

Отсюда и возникают недоразумения. Так, с одной стороны, Блумфилд утверждает, что «... в языке формы нельзя отделить от значений. Было бы неинтересно, и, вероятно, не слишком продуктивно изучать звуки языка, не рассматривая значения» [18, с. 401], а с другой, категорически заявляет, что для того, «чтобы дать научно точное определение значения для каждой формы языка, мы должны были бы иметь точные научные сведе-

ния обо всем, что окружает говорящего» [10, с. 142]. Естественно, что это и дает возможность сделать вывод о «противоречивости позиции Л. Блумфилда в вопросе о значении» [7, с. 361]. Недоразумение, однако, проясняется, если допустить, что в первом случае имеется в виду «языковое значение», тогда как во втором — значение конкретного высказывания, т. е. просто «значение». Правомерность этого допущения подтверждается тем, что именно на это противопоставление и опирался Л. Блумфилд, пытаясь решить такие проблемы семантики, как проблема значения/обозначения, значения/смысла. В первом случае Блумфилд основывался на переосмыслении терминов Г. Пауля «общее значение» и «окказиональное значение». У Блумфилда форма реализует «общее значение» (general meaning) в том случае, когда признак, ставший стимулом для ее произнесения, тождествен «дистинктивному признаку» (типовому стимулу), соответствующему ее языковому значению («значение» равно «языковому значению»). Термин «окказиональное значение» (occasional meaning) связывается уже с теми случаями, когда такое тождество отсутствует: «...иногда мы используем ту или иную форму в ситуациях, которые достаточно хорошо покрывают сферу ее значения, ср. определение (a *town* is a large settlement of people „город — это крупный населенный пункт“) или весьма общие формулировки (vertebrate animals have a *head* „у позвоночных животных есть голова“). В таких случаях форма выступает в своем *общем* (general) значении. Однако обычно форма в любом отдельном высказывании отражает гораздо более конкретное жизненное явление. Когда мы говорим, что John Smith bumped his head „Джон Смит набил себе шишку на голове“, то слово head „голова“ обозначает голову одного конкретного человека... В таких случаях языковая форма выступает в своем *окказиональном* значении» [10, с. 471—472].

Как можно заметить, проблема «значение/обозначение» рассматривается Л. Блумфилдом с точки зрения говорящего. Отличительной же особенностью блумфилдовского подхода к проблеме смысла высказывания является попытка решить ее отдельно для говорящего и для слушающего. «Языковое значение» при наличии дистинктивных признаков (типового стимула) в «ситуации говорящего» (speaker's situation) представляет собой «первичное (словарное) значение» формы, которое противопоставляется «языковому значению» при отсутствии такого стимула: «... мы также нередко произносим языковые формы, когда типичный стимул отсутствует. Например, умирающий с голоду нищий у дверей говорит: „я голоден“, и хозяйка дает ему поесть; этот пример, говорим мы, воплощает *первичное* или *словарное* значение языковой формы „я голоден“. Капризный ребенок, когда его укладывают спать, говорит: „я голоден“, но мать, зная все его уловки, отвечает тем, что отправляет его в кровать. Это уже пример смещенной речи» [10, с. 145].

С другой стороны, языковое значение формы при наличии дистинктивных признаков (типовой реакции) в «ситуации слушающего» (hearer's situation) обозначается термином «центральное значение», который противопоставлен термину «периферийное значение», т. е. «языковому значению», для которого в ситуации слушающего не находится типовой реакции: «Очень многие языковые формы используются для более чем одной типичной ситуации... Весьма примечательно, что при рассмотрении этих вариантов значения мы уверены и единодушны в том, что одно из значений является *центральным* (или *прямым* значением), а все другие *периферийными* (marginal) (*метафорическими*, или *переносными*). Центральное значение имеет преимущество в том смысле, что мы всегда пони-

маем ту или иную форму (т. е. реагируем на нее) в ее центральном значении до тех пор, пока что-либо в практической ситуации не заставит нас обратиться к поискам переносного значения. Если мы услышим, как кто-то говорит: *There goes a fox „Вон лиса!“*, мы обернемся в надежде увидеть настоящую лису, а если это полностью исключено, мы скорее всего примем сказанное за смещенную речь (например, за игру или какую-то часть сказки). Только если какие-нибудь обстоятельства в данной ситуации вынудят нас, — скажем, если говорящий укажет на какого-либо человека, — мы поймем данную форму в переносном смысле» [10, с. 153—154].

Существенно отметить то, как Л. Блумфилд переосмысливает Г. Пауля, указывая на непосредственную связь проблемы «значение/обозначение» и проблемы «значение/смысл»: «Все периферийные значения являются окказиональными, потому что, как показал Пауль, периферийные значения отличаются от центральных именно тем, что мы реагируем на них только тогда, когда в силу какой-то причины понять слово в его центральном значении невозможно... Центральные значения становятся окказиональными в тех случаях, когда та или иная ситуация отличается от идеальной ситуации, соответствующей всему объему значения данной формы» [10, с. 472].

Слабым пунктом этой психолингвистической по своей сути концепции оказалось рассмотрение проблемы соотношения значения и знания или — если пользоваться терминологией А. А. Потебни, — проблема «ближайшего/дальнейшего значений слова». Поскольку, как считал Блумфилд, «речь ученых образует не язык, а только специальный диалект обычного языка» [36, с. 313], то закономерен вывод, что «дальнейшие значения» есть значения «языковые», а следовательно, должны рассматриваться языкознанием. Более того, сциентизм приводил Л. Блумфилда к тому, что «дальнейшие значения» слов у него вытесняли и поглощали значения «ближайшие»: «Мы можем правильно определить значение той или иной языковой формы лишь в том случае, если это значение относится к чему-либо, о чем мы обладаем достаточными научными познаниями. Мы можем определить названия минералов, например, в терминах химии или минералогии, когда говорим, что обычным значением английского слова *salt* „соль“ является „поваренная соль (NaCl)“..., но у нас нет способа точно определить такие слова, как *love* „любовь“ или *hate* „ненависть“, связанные с ситуациями, которые еще не были точно расклассифицированы» [10, с. 142]. Отсюда Блумфилд и делал вывод, что «определение значений является, таким образом, уязвимым звеном в науке о языке и останется таковым до тех пор, пока человеческие познания не сделают огромного шага вперед по сравнению с современным их состоянием» [10, с. 143].

Но, с другой стороны, описание значения как знания неизбежно лишает лингвистику ее собственного предмета: «Когда пренебрегают языковыми формами и пытаются изучать значение или значения чисто абстрактно, на самом деле изучают в общем весь мир» [10, с. 574]. Таким образом, по Блумфилду, описывать значение формы можно и должно только в том случае, если имеются «...точные научные сведения обо всем, что окружает говорящего» [10, с. 142], но как только лингвистика предпринимает такое описание, она начинает описывать «ситуации говорящих и слушающих», что «...эквивалентно всей сумме человеческих знаний» [10, с. 72]. Осуществление такого описания неизбежно превращает языкознание в натурфилософию. Разрешить это противоречие Блумфилду не удалось.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hymes D., Fought J. American structuralism. The Hague, 1981.
2. Арутюнов И. Д. Фактор адресата // ИАН СЛЯ. 1981. № 4. С. 357.
3. Зеегинцев В. А. Современные направления в зарубежном языкознании II Новое в лингвистике. Вып. IV. М., 1965.
4. Гухман М. М. Лингвистический механицизм Л. Блумфилда и дескриптивная лингвистика // Тр. Ин-та языкознания АН СССР. 1954. Т. 4.
5. Березин Ф. М. История лингвистических учений. М., 1984.
6. Ivic M. Trends in linguistics. The Hague, 1965.
7. Белый В. В. К истории развития и становления американского дескриптивизма // Уч. зап. МГПИ. 1971. Т. 450.
8. Леман У. Ф. Преемственность языкознания // ВЯ. 1966. № 1.
9. Bloomfield L. An introduction to the study of language. N. Y., 1914.
10. Блумфилд Л. Язык. М., 1968.
11. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
12. Bloomfield L. II A Leonard Bloomfield anthology. Bloomington, 1970. Rec: Hermann E. Lautgesetz und Analogie.
13. Bloomfield L. Outline guide for practical study of foreign languages. Baltimore, 1942.
14. Boiling G. M. II A Leonard Bloomfield anthology. Bloomington, 1970. Rec: Bloomfield L. An introduction to the study of language.
15. Bloomfield L. On recent work in general linguistics // A Leonard Bloomfield anthology. Bloomington, 1970.
16. Bloomfield L. Sentence and word // A Leonard Bloomfield anthology. Bloomington, 1970.
17. Bloomfield L. II A Leonard Bloomfield anthology. Bloomington, 1970. Rec: Sausure F. de. Cours de linguistique generate.
18. Bloomfield L. Meaning//A Leonard Bloomfield anthology. Bloomington, 1970.
19. Bloomfield L. II A Leonard Bloomfield anthology. Bloomington, 1970. Rec: Jespersen O. Language. Its nature, development and origin.
20. Bloomfield L. On the sound system of central Algonquian //A Leonard Bloomfield anthology. Bloomington, 1970.
21. Bloomfield L. II A Leonard Bloomfield anthology. Bloomington, 1970. Rec: Sapir E. An introduction to the study of speech.
22. Bloomfield L. Linguistic aspects of science // International encyclopedia of unified science. V. 3. Chicago, 1939.
23. Morris Ch. Signs, language and behavior. N. Y., 1946.
24. Bloomfield L. II A Leonard Bloomfield anthology. Bloomington, 1970. Rec: Jespersen O. Philosophy of grammar. P. 141—142.
25. Bloomfield L. II A Leonard Bloomfield anthology. Bloomington, 1970. Rec: Havers W. Handbuch der erklärenden Syntax.
26. Bloomfield L. II A Leonard Bloomfield anthology. Bloomington, 1970. Rec: Wundt W. Elemente der Völkerpsychologie, Grundlinien einer psychologischen Entwicklungsgeschichte der Menschheit.
27. Aron A. W. II A Leonard Bloomfield anthology. Bloomington, 1970. Rec: Bloomfield L. An introduction to the study of language.
28. Bloomfield L. Subject and predicate // A Leonard Bloomfield anthology. Bloomington, 1970.
29. Чикобава А. С. Проблема языка как предмета языкознания. М., 1959.
30. Белый В. В. Американский дескриптивизм, его истоки и методологические основания: Автореф. дис ...докт. филол. наук. М., 1982.
31. Stark B. Bloomfieldian model II Lingua. 1972. V. 30.
32. Зеегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. М., 1973.
33. Хансен К. Пути и цели структурализма// ВЯ. 1959. № 4.
34. Фриз Ч. Значение п лингвистический анализ // Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962.
35. Bloomfield L. Language. N. Y., 1933.
36. Bloomfield L. Linguistic aspects of science // A Leonard Bloomfield anthology. Bloomington, 1970.
37. Bloomfield L. Linguistics as a science // A Leonard Bloomfield anthology. Bloomington, 1970.